

Бондарь Николай Семенович,
Институт законодательства и
сравнительного правоведения при Правительстве РФ,
заведующий центром судебного права,
судья Конституционного Суда РФ (2000-2020 г.г.) в отставке,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заслуженный юрист Российской Федерации
nbond2010@yandex.ru

Конфликт культур современных судебно-правовых систем: социальная справедливость или экономический прагматизм?

Современные вызовы праву и угрозы миропорядку должны оцениваться не в узком, формально-юридическом аспекте, а как системные культурологические процессы, конфликт правовых культур современной цивилизации, проявляющийся в том числе на уровне противостояния основных судебно-правовых систем современности – романо-германского (континентального) и общего (англосаксонского) права .

1. Сегодня очевидным является, что общегуманистической настрой на партнерство, взаимодействие судебно-правовых систем, иллюзорно обнадеживавший многих до недавнего времени, сменился столкновением цивилизаций, гибридной войной против России по всем направлениям, включая судебно-правовую сферу, непримиримым конфликтом юрисдикций, противостоянием правовых культур. Впрочем, это имеет не только сегодняшние политико-идеологические предпосылки, но и глубокие философско-правовые, мировоззренческие корни, связанные с особенностями в подходах соответствующих правовых систем к фундаментальным конституционным ценностям современности. Одним из водоразделов, развилкой для них является вопрос о том, что должно лежать в основе функционирования судебной власти и поиска судебно-правовых решений современными национальными и наднациональными юрисдикциями: экономический прагматизм или социальная справедливость?

Для нас ответ на этот вопрос очевиден: стремление к справедливости заложено как в самой сущности права - равной, справедливой для всех меры свободы, так и в самой природе человеческой личности, что имеет свои глубокие исторические корни. Не будет преувеличением отметить, что в аспекте справедливости (в соотношении данной категории с проблемами правосудия, судебной юриспруденцией), философами Древней Греции и юристами не менее древнего *Jus romanum* были выработаны многие подходы и идеи, которые и сегодня не только не утратили своей актуальности, но заслуживают пристального внимания, необходимости учета в нынешних условиях, хотелось бы надеяться, начавшегося, своего рода, ренессанса судебной юриспруденции. Не случайно понятия «справедливость», «юстиция», «правосудие», «закон» имеют однокоренное древнеримское происхождение – *justitia, jus*.

Между тем нынешнее понимание данной категории в правовой науке столь противоречиво, что текущее состояние «можно охарактеризовать как *научный хаос в понимании справедливости и ее соотношения с правом*»¹, а тем более – в соотношении справедливости с правосудием².

2. В обобщенном плане, в том числе с ориентацией на прагматичные интересы судебного поиска справедливости, представляется возможным представить данную категорию, по крайней мере, в следующих аспектах.

Во-первых, нравственно-этические, духовно-религиозные начала справедливости, которые в хронологическом плане имеют, пожалуй, наиболее глубокие исторические предпосылки требований справедливости и заслуживают особого внимания. Все современные мировые религии (в их классическом, а не политизированном современными условиями жизни, проявлении) содержат единые, в своей основе, подходы к пониманию добра, уважения, сострадания, правды, справедливости и т.п. Божественная

¹ См.: Вайпан В. А. Теория справедливости: Право и экономика. М.: Юстицинформ, 2017. С. 28.

² Некоторые имеющиеся на этот счет работы, в том числе появившиеся в последнее время (см., напр.: Клеандров М.И. Правосудие и справедливость. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2023) можно рассматривать лишь как первые подходы к исследованию данной проблематики.

справедливость является в этом плане абсолютной, потому что именно Бог (и только Он) может воздать человеку с учетом всего, совершенного им (плохого и хорошего, греховного и праведного). Такое воздаяние тоже происходит на своеобразных весах «Божественного правосудия», где все хорошее и плохое взвешивается предельно точно и каждому воздается по справедливости, т.е. пропорционально заслугам. Во всем этом, кстати, проявляются, в том числе Библейские представления и о Божественном происхождении суда, судебской деятельности как ориентированной на поиск и утверждение справедливости в человеческом обществе.

Во-вторых, сам факт, того, что справедливость, если даже согласиться, что ее высшее проявление имеет Божественное происхождение, реализуется на земле, в человеческом обществе, подтверждает безусловные социальные начала требований справедливости, их наполнение глубокими социокультурными, национальными, конкретно-историческими особенностями. В этом плане справедливость – глубоко социальная категория, приобретающая в современном обществе и, в особенности, в правосудии, мировоззренческие, социокультурные, политико-идеологические координаты, имея в виду необходимость анализировать, толковать законодательство, оценивать решения органов публичной власти, давать квалификацию поведению человека, социальных групп сквозь призму социальной справедливости, на основе критериев признаваемых в обществе и государстве ценностных ориентиров, принципов социальной, экономической политики, при активном использовании властно-правовых механизмов.

Поэтому еще один *обязательный уровень реализации справедливости* (имея в виду в том числе сферу судебной юриспруденции) – *государственно-правовой, формально-юридический*. В силу своей особой значимости, включая прямой выход соответствующих требований (справедливости и равенства) на *уровень конституционных по своей природе отношений между собственностью, властью и свободой*, формально-юридическое

содержание требований справедливости имеет в современных условиях, прежде всего, конституционный уровень своего признания и закрепления, предполагающий регулирование соответствующих отношений (попадающих при возникновении споров и конфликтов в том числе в сферу отправления правосудия) на основе единства социальных, политико-мировоззренческих и духовно-нравственных начал справедливости. В Конституции РФ (с ее поправками 2020 г.) это получает реализацию не просто в отдельных положениях, но на уровне основополагающих начал, связанных с утверждением не только свободы совести и свободы вероисповедания (ст.28), но духовного суверенитета светского государства (преамбула, ч. 1 ст. 3 в нормативном единстве со ст. 13, 14), с одной стороны, и признанием переданной нам предками веры в Бога (ч.2 ст. 67.1. Конституции РФ), с другой стороны. Но такой подход, содержащийся, в частности, в ст. 67¹ Конституции РФ, не должен рассматриваться как клерикализация конституционного права; это в большей степени предполагает возможность конституционализации нравственно-этических, духовно-религиозных начал, философско-правовое обоснование признанных Конституцией сакральных нравственных идеалов духовной (религиозной) культуры общества.

В этом плане, пожалуй, есть основания для утверждения о том, что без библейско-философских идей невозможно обосновать естественно-правовую и государственно-юридическую правосубъектность личности, как и невозможно произвести этико-правовые измерения правосудия как особой формы государственно-властной деятельности по защите и восстановлению нарушаемых в современном обществе требований юридической справедливости без учета нравственно-этических начал. Особую актуальность эта тематика (включая судебно-правовую) приобрела в современных условиях, когда утрата доверия к власти, отчуждение человека происходят не только в отношении государства, но прежде всего на уровне нравственно-этических начал правовой жизни. Вернуть человека в правовую

среду, которая не сводится лишь к формально-юридическому регулированию — важная проблема теории и практики современной юриспруденции.

Одновременно во всем этом — проявление единства биологического и социального, божественного и земного не только в происхождении человека, но и в статусных характеристиках, взаимоотношениях человека и гражданина с обществом и государством. В таком «триединстве» (личность-общество-государство) покоятся глубинные, сакральные духовно-нравственные, социокультурные, а не только юридические, начала равенства и справедливости. В таком понимании *нормативный императив категории справедливости* не ограничивается формально-юридическим содержанием статусных характеристик личности. Это значительно более содержательная, многоаспектная категория; наряду, например, с нормативными требованиями справедливой и равной для всех правоспособности, дееспособности, равноправия, равенства всех перед законом и т.п. она одновременно усиливается *равной для всех нормативной справедливостью* социальных, экономических, социокультурных, нравственно-этических начал, присутствующих в основах конституционного строя, в компетенционных и функциональных характеристиках всех ветвей власти и их публичных органов.

3. На этой основе становится возможным юридическое оформление *конституционной справедливости* как универсальной категории, которая имеет межотраслевое значение для всей правовой системы, всех форм правоприменения. Не претендуя на исчерпывающие характеристики данной категории, в обобщенном плане возможно выделить, по крайней мере, следующие нормативно-правовые начала (свойства) конституционной справедливости: *во-первых*, аксиологические характеристики конституционного устройства общества и государства, их функционирования в правовом измерении требований социальной справедливости; *во-вторых*, универсальные требования юридического равенства, включающие в себя возможность справедливого неравенства в

правовом регулировании (дифференциация) и правоприменении (индивидуализация); *в-третьих*, имущественную эквивалентность как выражение частноправовой (своего рода, рыночно-экономической) справедливости; *в-четвертых*, распределительную справедливость как основу социально ориентированной политики по обеспечению условий достойной для всех жизни; *в-пятых*, условно говоря, «балансировочную» справедливость как критерий обеспечения конституционно обоснованной (справедливой) соразмерности ограничений, баланса ценностей; *в-шестых*, равную для всех судебную защиту как юридическую гарантию справедливого правопорядка в обществе и государстве; *в-седьмых*, неотвратимость равной, но только для «равных субъектов» (!) юридической ответственности как нравственно-правовая основа конституционной справедливости в деликтных отношениях; *в-восьмых*, особый демократический правовой режим правового регулирования и правоприменения, основанный на требованиях справедливости, равном для всех уважении достоинства личности.

Важно при этом учитывать, что гармонизация формально-юридических и нравственно-этических требований в праве, правоприменении, равно как и во всех формах и направлениях государственно-властной деятельности, в особенности – в судебной (которая изначально, по своим сущностным характеристикам ориентирована на защиту и утверждение требований справедливости), возможна исключительно на основе последовательного соблюдения национальных традиций, уважения к фундаментальным ценностным началам, относящимся к личности, обществу, государству.

В России, где сама этимология понятия «справедливость» имеет особые, глубокие нравственно-этические корни (от слова «правда»), система господствующих правовых начал всегда позволяла оценивать поступки граждан, действия органов публичной власти, в том числе, с позиций греховности, добра и зла, правды и лжи, справедливости и несправедливости, честности и долга, т. е. на основе обязательного учета

этических, нравственных понятий и стандартов. Это, естественно, в полной мере характерно и для современного периода, несмотря на то, что в международном правопорядке, во многих других странах происходит разрушение самих основ нормального этико-правового жизнеустройства, а России и в этой сфере навязываются чуждые ей ценности и правила поведения, фактически объявлена гибридная война.

В этих условиях тем важнее понимание исторических предпосылок и национальных традиций, связанных в том числе с современными вызовами судебной юриспруденции, что особенно остро проявляется *на развилке развития основных судебно-правовых систем современности – общего (англо-саксонского) и романо-германского (континентального) права* – важным показателем чего является их отношение к вечной идее, ценностям социальной и юридической справедливости.

4. Высокий удельный вес социокультурного, мировоззренческого наполнения фундаментальных идеалов конституционализма подтверждает тот очевидный факт, что при наличии общих представлений о конституционных идеалах, имеют место серьезные различия как в их доктринальном, философско-правовом понимании, так и в практических подходах к реализации в англосаксонской и романо-германской (континентальной) правовых системах.

Не касаясь исторического правогенеза, включая историю выбора Россией континентально-европейского пути правового развития,³ важно учитывать в данном случае воспринятый от римского права высокий уровень доктринальности, системно-методологической проработанности, структурированности, концентрации в ней нравственно-этических начал. Это не случайно: нравственно-этические начала, определившие континентальное право, были в их исходном, генетическом плане «переведены»,

³ На этот счет существуют, как известно, различные мнения и оценки. См., напр.: Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988; Раймон Л. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход. 2-е изд. М., 2009; Синюков В.Н. Российская правовая система. 2-е изд. М.: Норма, 2012; Марченко М.Н. Правовые системы современного мира. 2-е изд. М., 2009.

трансформированы с языка греческой философии в координаты точных юридических формулировок римского права; в дальнейшем эти процессы получили мощные философско-мировоззренческого, методологического обоснования посредством активного влияния на континентальное право (в особенности - конституционного) классической немецкой философии.

В этом плане естественным выглядит то обстоятельство, что историческими особенностями формирования правовых систем во многом предопределяются их глубинные мировоззренческие особенности, имея в виду в том числе ценностные характеристики, получающие юридическое оформление в виде фундаментальных конституционных начал соответствующих правовых систем. Вместе с тем при наличии глубоких национальных, исторических, философско-мировоззренческих различий между современными правовыми системами важно учитывать и то обстоятельство, что они не могут не иметь неких общих ориентиров функционирования. В конечном счете, эти ориентиры и идеалы связаны с взаимоотношениями власти и свободы, государства и личности, а своего рода общим знаменателем и одновременно – ценностным ориентиром реализации таких взаимоотношений, по крайней мере, на уровне судебно-правовых систем, является универсальная *категория общего блага*. В основе понимания общего блага лежат подходы, связанные с поиском баланса ценностей власти и свободы, публичных и частных интересов, имея в виду, что в конституционно-правовом плане категория общего блага, с одной стороны, воплощает аксиологические ориентиры поиска фундаментальных начал современного конституционализма, а, с другой стороны, именно в этой категории проявляются принципиальные философско-мировоззренческие различия в подходах континентально-европейской и англо-саксонской правовых систем к фундаментальным началам конституционализма.

5. В обозначенном аспекте допустимо говорить о двух основных подходах, которые по-разному определяют ценностные ориентиры

взаимоотношений власти и свободы, в том числе - при поиске баланса публичных и частных интересов и ориентации на этой основе к достижению общего блага. Это - утилитаризм (экономическая полезность) и социальная справедливость⁴.

Для англосаксонской правовой системы характерен в этом плане последовательный утилитаризм. Генетически он связан с экономическими факторами, ориентацией на материальные выгоды, деловой, финансово-экономический успех, а в основе его доктринально-юридического обоснования лежат постулаты экономической школы права, включая идеи «конституционной экономики», получившие, кстати, недостаточно критическое восприятие в нашей правовой науке⁵. Безусловным критерием поиска баланса интересов и одновременно - ценностным ориентиром достижения общего блага выступает в этом случае экономическая полезность принимаемых решений, в том числе на законодательном уровне. Поэтому и в нормоконтрольном, практико-прикладном аспекте предлагается исходить из того, что соотносимое с конституционными требованиями право должно искать не то, что справедливо, а то, каким образом могут быть удовлетворены прежде всего экономические интересы в конкретном правоотношении.

Очевидно, что культивируемый в том числе на конституционно-правовом уровне экономический прагматизм во многом предопределяет западную модель общества потребления. Критерием юрисдикционного поиска баланса интересов выступает в этом случае степень (уровень) удовлетворения потребностей участников отношений; очевидно, однако, что поиск баланса интересов, основанный на экономической полезности,

⁴ См. подробнее: Дедов Д.И. Общее благо как система критериев правомерного регулирования экономики. М., 2003; Момотов В.В. Принцип справедливости и целесообразности в институтах англо-американских и континентально-европейских правовых порядков // Российское правосудие. 2017. №12. С.16-24 (Часть 1); 2018. №1. С.35-48 (Часть 2).

⁵ См. об этом подробнее: Бондарь Н.С. Экономический конституционализм России; очерки теории и практики. М.;Норма,2017. С. 14-24.

материальной целесообразности, неизбежно связан (по крайней мере, в конечном счете) с уровнем удовлетворенности, (не)достаточности благ. Для оценки этой ситуации вполне уместна формула, своего рода, крылатые слова: *«Мало много иметь; нужно еще, чтоб хватало»*. В этом плане в основе правовых, в том числе судебных, подходов в поиске баланса интересов должны лежать показатели, связанные не с координатами потребительской формулы «много-мало», а с понятием «достаточно». И, своего рода, *мерой достаточности, баланса публичных и частных интересов является категория справедливости*, которая выступает в этом случае одновременно конституционным критерием оценки общего блага, равно как и поиска баланса власти и свободы.

Исторически эти подходы связаны с особенностями романо-германской правовой системы, нормативное и доктринальное обоснование которой происходило на основе рецепции римского права. Нет преувеличения в том, что юридическое обоснование справедливости (как категории *aequitas*) явилось одним из главных исторических достижений античной и средневековой юриспруденции; не случайно специалистами давно отмечалось, что «ни одно из самых блестящих положений римского права не обеспечивало за ним в такой мере право на бессмертие, как его отношение к *aequitas*... Представляя собой с субъективной стороны лишь известную добродетель, *aequitas* в то же время определяло содержание норм. Право признавалось естественным, когда в нем видели нечто всеобщее, неизменно правильное и справедливое...».⁶

Нормативно-доктринальное обоснование категории социальной справедливости как критерия гармонизации отношений власти и свободы, достижения на этой основе общего блага, предполагающего пользу (включая экономическую) для всех и каждого, имеет повышенную

⁶ См.: Кипп Т. История источников римского права. СПб., 1908. С. 8.

актуальность для судебной деятельности, в том числе конституционно-нормоконтрольного и интерпретационного обеспечения верховенства Конституции. Ведь Конституция сама по себе выступает концентрированным выражением метаюридических начал справедливости; общее же благо необходимо рассматривать в этом случае за пределами арифметического суммирования (тем более - деления) благ для отдельных граждан, организаций, иных субъектов права.

6. В этом находит свое отражение тот факт, что, своего рода, *философско-правовой основой ориентации правосудия на общее благо как критерий гармонизации отношений между властью и свободой является концепция приоритета целого над частью*. Ее истоки - в аристотелевской «Метафизике» с постулатом о том, что «целое не важнее, а больше, чем сумма частей». В последующем эта, казалось бы, внутренне противоречивая формула получила обоснование в рамках философской школы холизма, которая сегодня, как представляется, переживает ренессанс: на смену механицизму, редукционализму приходит холизм, т.е. философия целого, единого. Национально-специфический подход России к организации и осуществлению публичной власти, ее взаимоотношениям с личностью и обществом должен, вероятно, осмысливаться во многом с позиций холистического правосознания, стремления к государственной целостности, единству общества на основе социального партнерства, экономической, политической и социальной солидарности (ст.75.1 Конституции РФ), что, однако, проявляется не только посредством централизации, универсализации, но и оптимальной дифференциации в тех сферах, где это оправданно и необходимо.⁷

Содержание и пределы такой централизации, универсализации и дифференциации неминуемо предполагают необходимость поиска баланса

⁷ См.: Гусейнов А.А., Степин В.С., Смирнов А.В., Графский В.Г., Лапаева В.В., Гаджиев Г.А., Бондарь Н.С. Междисциплинарный центр философии права. Круглый стол «Пути развития философии права в России» // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1 (10). С. 23-25.

публичных и частных интересов, власти и свободы на различных уровнях их проявления, что ярко проявилось в том числе в свете поправок 2020 года: теперь наш Основной Закон ориентирован на понимание справедливости как юридической меры свободы и равенства и одновременно – социально значимого фактора конституционно оправданной дифференциации, адресной социальной поддержки граждан в нормативном единстве с конституционными требованиями взаимного доверия государства и общества, защиты достоинства граждан (ст. 75, ч.6, 7; ст.75.1).

В этих новых конституционных положениях получили реализацию в том числе правовые позиции КС РФ, предполагающие, что конституционный принцип справедливости носит комплексный, по сути, всеобъемлющий характер, включает начала как дистрибутивной (распределительной), так и ретрибутивной (уравнительной) справедливости, предполагающей пропорциональность, соразмерность. В этом плане практика КС РФ демонстрирует ориентацию на выявление в соотношении с требованиями справедливости не только негативных (антидискриминационных), но и позитивных аспектов равенства, что получило обоснование в требованиях: а) равенства стартовых позиций (Постановления КС РФ от 15 мая 2006 г. № 5-П, от 5 июля 2017 г. № 18-П); б) справедливого равенства возможностей, имея в виду равенство прав и свобод (Постановления КС РФ от 22 апреля 2013 г. № 8-П; от 13 мая 2014 г. № 14-П); в) справедливого неравенства результатов на основе, в частности, преодоления несправедливого равенства (Постановления КС РФ от 11 июля 2017 г. № 20-П, от 13 декабря 2016 г. № 28-П), преодоления несправедливого неравенства (Постановление КС РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П) и т.п. В обобщающе-статистическом плане уместно отметить, что практически в 2/3 постановлений КС РФ использовал категорию справедливости в качестве критерия конституционности проверяемых нормативных правовых актов.

Предложенными подходами, естественно, не исчерпываются представления о противоречиях и тенденциях развития, гносеологии современной судебной юриспруденции, оцениваемой в частности на развилке важнейших, конституционно значимых ценностей современных правовых систем, к которым относятся ценности социальной и юридической справедливости.